

Оригинальная статья

УДК 343.9

Субкультурные неформальные объединения: механизм формирования преступного поведения и его влияние на совершенствование уголовного законодательства

Андрей Николаевич Берестовой

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
(Санкт-Петербург, Россия)

andreyberestovoy@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0805-900X

Павел Валерьевич Цветков

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
(Санкт-Петербург, Россия)

pavel.tsvetkov.71@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1724-6125

Аннотация

Постановка проблемы: в статье исследуется криминологический механизм влияния субкультурных неформальных объединений на формирование преступного поведения личности. На основе анализа современных деструктивных субкультур, включая цифровые сообщества, раскрываются этапы вовлечения индивидов в криминальную деятельность и предлагаются меры правового противодействия. **Цели и задачи:** выявление криминологических закономерностей формирования преступного поведения у людей, входящих в субкультурные неформальные объединения, и их влияние на разработку предложений по совершенствованию уголовного законодательства РФ. **Методы:** в работе использованы общенаучные и частнонаучные методы: системный анализ, социологический, психологический и сравнительно-правовой подходы. **Результаты:** установлено, что субкультурные неформальные объединения выступают средой криминальной социализации, где происходит замещение правовых ценностей делинквентными нормами. Выделены стадии вовлечения личности – от знакомства с группой до полного подчинения ее нормам. Особую опасность представляют цифровые сообщества, формирующие «криминальную киберсоциализацию» через трансляцию установок, мотивов и технических навыков совершения преступлений.

Ключевые слова

субкультурные объединения, неформальные группы, криминальная социализация, уголовное законодательство, несовершеннолетние, профилактика преступности

Для цитирования: Берестовой, А. Н., Цветков, П. В. (2026). Субкультурные неформальные объединения: механизм формирования преступного поведения и его влияние на совершенствование уголовного законодательства. *Российский девиантологический журнал*, 6 (3), 505–516.

Original paper

Subcultural informal associations: The mechanism of the formation of criminal behavior and its influence on the improvement of criminal legislation

Andrey N. Berestovoy

North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Saint Petersburg, Russia)

andreyberestovoy@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0805-900X

Pavel V. Tsvetkov

North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Saint Petersburg, Russia)

pavel.tsvetkov.71@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1724-6125

Abstract

Problem statement: The article examines the criminological mechanism through which subcultural informal associations influence the formation of criminal behavior in individuals. Based on an analysis of contemporary destructive subcultures, including digital communities, the article reveals the stages of individuals' involvement in criminal activity and proposes legal countermeasures. **Aims and objectives:** To identify the criminological patterns in the formation of criminal behavior among individuals belonging to subcultural informal associations, and to examine their influence on the elaboration of proposals for improving the criminal legislation of the Russian Federation. **Methods:** The study employs general scientific and specific scientific methods, including systems analysis and sociological, psychological and comparative-legal approaches. **Results:** The study found that subcultural informal associations serve as an environment for criminal socialisation, in which legal values are replaced by delinquent norms. The stages of an individual's involvement were identified, ranging from initial contact with the group to complete submission to its norms. Digital communities are particularly dangerous, as they shape "criminal cyber-socialisation" by transmitting attitudes, motives and technical skills for committing crimes.

Keywords

subcultural associations, informal groups, criminal socialisation, criminal legislation, minors, crime prevention

For citation: Berestovoy, A. N., Tsvetkov, P. V. (2026). Subcultural informal associations: The mechanism of the formation of criminal behavior and its influence on the improvement of criminal legislation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (3), 505–516.

В последнее время все больше средств массовой информации и специализированных правовых изданий уделяют внимание проблеме неформальных субкультурных объединений антиобщественной направленности, обладающих высокой степенью общественной опасности, что ставит законодателя перед необходимостью правового реагирования на различные их проявления.

Сама по себе проблема субкультурных объединений не нова. Различного рода сообщества существуют еще со времен СССР. Желание выделиться из общей массы, каким-то образом самоутвердиться в подростковой или молодежной среде в силу определенной возрастной специфики было присуще не только современной молодежи, но и поколениям, жившим во времена СССР. Различаются только способы самоутверждения. Современные социологи утверждают, что «в условиях шоу-цивилизации легче всего привлечь к себе внимание посредством эффектных, даже эпатажных действий» (Капитонова, 2024, с. 27). Достаточно вспомнить так называемых квадроберов, которые так же внезапно исчезли, как и появились.

В СССР формирование личности советского человека осуществлялось поэтапно. Сначала школьник становился октябренок, затем вступал в пионерскую организацию и далее в комсомол, и эта система действовала весьма эффективно. В тот период тоже существовали некие субкультурные объединения молодежи, но чаще это воспринималось как нечто экзотическое. Можно вспомнить так называемых стилияг, гопников, металлистов, панков, мажоров. Как правило, это были практически безобидные объединения по интересам, однако и с ними правоохранительная система вела борьбу, в первую очередь, как с последствиями чуждой (по тому времени) идеологии. Без сомнения, перечисленные молодежные группы не обладали такой степенью общественной опасности, которая могла бы привести к их криминализации.

Вопрос о предпосылках появления субкультурных объединений или групп интересен в том числе и с исторической точки зрения. Некоторые авторы считают, что исторически первыми субкультурными объединениями в России, конечно, с определенной долей условности, можно считать тайные общества декабристов. В поддержку данного тезиса можно привести следующие признаки сообщества декабристов, характерные для субкультурных объединений: особый язык и манера общения (как известно, декабристы в общении между собой отказывались от светской болтовни и светского французского языка); особый стиль поведения (подчеркнутая серьезность, улыбки и светская любезность воспринимались декабристами как лицемерие); отличительный внешний вид (члены тайных обществ декабристов предпочитали строгий стиль в одежде, намерено избегали роскоши, демонстративно носили русские кафтаны, как позже славянофилы); идеологический раскол (декабристы, в основном молодые офицеры, прошедшие Отечественную войну 1812 г., отвергали идеологические ценности старшего поколения, господствующие в обществе). В научном обороте немало работ, посвященных изучению субкультурных объединений и определению присущих им основных признаков. Они могут в чем-то отличаться в зависимости от позиций авторов, но в целом можно выделить следующие основные признаки:

- создание подобного рода объединений и групп происходит в определенных исторических условиях, обусловлено конкретными жизненными реалиями и имеет лидеров, формирующих идеи и нравственные ориентиры;
- отличный от принятого в обществе поведенческий уклад внутри группы или сообщества;
- существование группы (сообщества) связано с обособленностью, закрытостью общения между членами группы или объединения;
- в некоторых случаях демонстрация принятой в сообществе атрибутики и т. д.

Проводимые исследования свидетельствуют, что «начало истории молодежного вопроса в России связано с началом XX в., хотя именно в этот период речи не шло ни о какой субкультуре, более того, о деструктивном или антиобщественном поведении несовершеннолетних и молодежи. Советский Союз символизировал молодежь как “светлое будущее”, и эта часть идеологии того времени была результатом существующего образа мышления. И только с начала 50-х годов XX в. возникают девиантные тенденции в молодежной среде, когда под влиянием западного общества в стране появляются так называемые “стиляги” – первая молодежная субкультура,

но это был выбор меньшинства и не получил такого развития, как на Западе. Затем, в 1960-х годах, появились “хиппи”, “волнисты”. В конце 70-х – начале 80-х годов образовалось движение, именуемое как “панки”. А в конце 80-х годов уже в газетах и журналах активно печатают статьи про “панков”, “металлистов”, “рокеров”, “волнистов”. И уже более 60 % молодых людей немногочисленными группами по 10–20 человек объединяются в неформальные объединения, треть из которых уже со своими правилами и лидерами» (Омельченко, 2000, с. 80–92).

В статье, посвященной вопросу деструктивных молодежных объединений, Е. А. Перепелова выделяет несколько групп молодежных объединений, существовавших в советский период. «В советский период молодежные объединения делились на три группы: первая – “положительные”, к ним относились общественно-политические клубы и объединения; вторые – “нейтральные” или “эпатажные”, это скейтбордисты, волнисты, металлисты, рокеры, кришнаиты, панки; третья – “отрицательные”, характеризующиеся антиобщественным поведением: фашисты, шовинисты, националистические и прокапиталистические группы, и к ним же могли относить панков, рокеров и металлистов» Перепелова, 2024, с. 68).

Развал целенаправленной политики государства по формированию личности достойного члена общества в период перестройки и в 90-х годах XX в. в итоге привел к смене личностных ориентиров постперестроечного поколения. Мерилом ценностей стали материальные блага, которые молодые люди стремились получить любым способом. Отсюда и зарождавшиеся в 90-е годы прошлого тысячелетия субкультурные неформальные объединения, часть которых начала приобретать антиобщественную, а порой и экстремистскую направленность.

Сегодня проблема субкультурных сообществ, обладающих повышенной степенью общественной опасности, является предметом научных дискуссий. В последнее время появился ряд научных статей по этой теме (Астафьева, 2008; Багров и др., 2020; Берестовой, 2024, 2025; Мондохонов, 2020; Родин, 2019)¹.

Первый вопрос, который следует разрешить, начиная исследование данной проблемы, это вопрос терминологии, в связи с чем нужно определиться с понятием «деструктивное поведение». Специализированная юридическая литература и научные исследования в области психологии предлагают несколько вариантов определения деструктивного поведения.

Деструктивное поведение личности – это дезадаптивно-направленный процесс взаимодействия личности со средой, характеризующийся индивидуальными особенностями субъекта, имеющий форму поступков или реакций» (Куликов, & Злоказов, 2006). «Деструктивный» дословно понимается как разрушительный, нарушающий установленный порядок, сложившиеся нормы². Толковый словарь С. И. Ожегова определяет слово «деструктивный» как разрушительный, неплодотворный. Подобное определение данного термина мы находим и в большом словаре иностранных слов, где «деструктивный» (лат. *destructivus*) интерпретируется как «ведущий к разрушению чего-либо, разрушительный, неплодотворный»³.

Во всех приведенных определениях прослеживается разрушительный момент, направленный на что-либо. В нашем случае, очевидно, разрушению подвергаются общественный уклад на данном историческом этапе, устоявшиеся в обществе нормы морали и нравственности.

Следующим понятием, которое требует научного определения, является понятие «субкультура». В научной литературе существует несколько определений данного понятия.

¹ Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5(1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>

² Макаренко, В. А. (Ред.). (2000). *Краткий словарь современных понятий и терминов* (3-е изд., дораб. и доп.). Республика, с. 144.

³ Булыко, А. Н. (2008). *Большой словарь иностранных слов: 35 тысяч слов* (2-е изд., испр.). Мартин.

«Субкультура», как, впрочем, и базовое понятие «культура», «представляет собой совокупность определенных воззрений, нравственных установок, стереотипов поведения, характерных для определенных объединений людей» (Перепелова, 2024, с. 69). Толковый словарь С. И. Ожегова трактует «субкультуру» как сферу культуры, существующую внутри господствующей культуры и имеющую собственные ценностные установки.

Говоря современным языком, «под субкультурой, понимается особая форма организации людей (чаще всего молодежи), автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни, мышления и языка ее носителей»⁴.

Как и всякое социальное явление, субкультура обладает отличительными признаками или чертами. В упомянутой работе Е. А. Перепеловой определены следующие отличительные черты, характеризующие субкультурные сообщества: создание идейными вдохновителями «своего мира», с присущими только им ценностями и мировоззрением; стремление к нонконформизму, своеобразному поведению и образу жизни; демонстрация специфической атрибутики (Перепелова, 2024, с. 69)⁵.

Данные черты или признаки в большей мере характерны для «классических» субкультурных объединений. Проблема состоит в том, что уровень современного технологического развития общества предлагает его членам все больше и больше возможностей, в том числе в плане коммуникации. В настоящее время существует масса возможностей для общения людей без непосредственного физического контакта между ними, в первую очередь через интернет. Это касается и субкультурных объединений, которые стали приобретать формы неких интернет-сообществ, в отдельных случаях с присущими им деструктивными чертами.

Для исследователей-криминалистов, несомненно, интересен процесс (механизм) формирования преступного поведения в такого рода сообществах. Подобного рода субкультурные объединения, как правило, изначально не имели какой-либо деструктивной, антиобщественной направленности, а представляли собой некие объединения по интересам⁶. Закономерен вопрос, что явилось причиной или триггером для смены вектора развития того или иного субкультурного объединения или группы. Проиллюстрировать этот процесс можно на примере стрим-движения. Ответ следует искать в механизме формирования преступного поведения.

Механизму формирования преступного поведения посвящено значительное количество научных работ, так как этот вопрос всегда интересовал ученых-криминологов. Необходимо отметить, что сам механизм формирования преступного поведения личности нельзя рассматривать в отрыве от конкретных исторических, экономических и социальных условий, в которых эта личность находится.

«Личность человека, выступая в единстве всех ее социальных, нравственных и психологических свойств, формируется в процессе жизни и деятельности человека. Вступая во взаимосвязи с окружающими людьми, человек усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия и представления, социальные и культурные ценности, приобретает новые потребности, интересы и стремления» (Антонян и др., 1981, с. 20). Вместе с тем человек не является пассивным объектом, на который воздействуют внешние факторы и условия. Человек в зависимости от условий и доступных ему возможностей формирует условия своей жизни, а соответственно и личность. Внешние условия, в которых такая личность формируется, в какой-то мере и обуславливают направление формирования личности конкретного человека.

⁴ Макаренко, В. А. (Ред.). (2000). *Краткий словарь современных понятий и терминов* (3-е изд., дораб. и доп.). Республика, с. 530.

⁵ Там же.

⁶ Например: треш-стрим зародился как безобидное комментирование компьютерных игр.

Смысл формирования личности (биологической и социальной) видится в том, чтобы конкретный человек оказался максимально приспособленным к среде, в которой находится в настоящий момент, причем «в активном овладении закономерностями природной и социальной действительности для их использования на благо личности и общества» (Антонян и др., 1981, с. 20).

В целом поддерживая данное утверждение, добавим: формирование личности необходимо рассматривать с позиции существующих исторических реалий. Процесс зарождения тех или иных субкультурных сообществ проходил в конкретных исторических, социальных и экономических условиях, которые не могли не отложить своего отпечатка на особенности формирования личности их участников, в том числе групповой морали и нравственности.

В нашем исследовании акцент в основном делается на субкультурные объединения с выраженной антиобщественной, деструктивной направленностью, которая со временем может привести или приводит к их криминализации. Этот процесс прослеживается по временным периодам зарождения тех или иных субкультурных сообществ. Например, треш-стримеры как движение (на первых порах довольно безобидное) зародилось в период появления интернет-игр как простое комментирование игровых ситуаций. В дальнейшем произошел качественный сдвиг продвигаемого треш-стримерами контента в сторону криминализации, что послужило основанием для государственного правового реагирования посредством введения уголовно-правового и административного запрета определенных действий в интернете.

Возникает несколько вопросов: 1) являются ли неформальные субкультурные объединения малыми социальными группами; 2) каков механизм формирования преступного поведения в рамках малой социальной группы; 3) что послужило триггером смещения акцентов в проводимых треш-стримерами эфиров от безобидного комментирования до совершения уголовно наказуемых деяний в прямом эфире.

Думается, разрешение поставленных вопросов следует начинать с выявления признаков, присущих малым социальным группам в неформальных субкультурных объединениях, причем акцентировать внимание на субкультурных объединениях, обладающих ярко выраженной антисоциальной, деструктивной и противоправной направленностью.

Научным направлениям в отраслевых науках (криминология, социология, психология и т. д.), предметом изучения которых являются малые социальные группы, в последнее время уделяется большое внимание. В первую очередь, научный интерес связан с определением признаков малых социальных групп и способов воздействия на формирование личности участника такой группы. Это широкий круг вопросов, который в целом не относится к рассматриваемым здесь вопросам. Анализируя субкультурные неформальные объединения как малые социальные группы, прежде всего, мы акцентируем внимание на вторичных малых социальных группах⁷.

Вторичные малые социальные группы – это общности индивидуумов, которые связаны между собой при помощи безличных отношений, чаще всего это неэмоциональное взаимодействие между участниками. У членов таких объединений есть общая цель, но между ними отсутствует межличностное взаимодействие (например, коллектив студентов, профессиональный коллектив и т. д.). Мы отмечаем наличие данных признаков у неформальных субкультурных объединений.

Важно обратить внимание на то, что формирование личности любого члена современного общества – это многогранный и противоречивый процесс. Иногда под воздействием внешних факторов, таких как социально-политическая, экономическая обстановка в стране, изменение

⁷ К первичным малым социальным группам традиционно относят коллективы личностей, где присутствуют близкие отношения, тесные отношения носят неформальный характер (например, семья).

нравственных ориентиров в рамках всего общества вследствие перестроечных процессов в государстве, отсутствие выстроенной государственной молодежной политики, смена ценностных ориентиров (разрушение старых и поиск новых), неудовлетворенность экономическим положением, отсутствие перспектив повышения благосостояния населения в силу экономического положения в стране, личность (процесс ее формирования) приобретает антиобщественную ориентацию. Это выражается в деформации потребностей, мотивов, нравственности и иных социальных ценностей, что, в свою очередь, приводит к появлению в поведении человека деструктивных моментов.

Раскрытие причин противоправного поведения человека «непосредственно связано с проникновением в механизм нравственного формирования личности ее деформации и социального отчуждения» (Тарарухин, 1974, с. 5).

Личность человека, понимаемая как единство всех ее социальных, нравственных, культурных и психологических свойств и признаков, формируется в процессе повседневной жизни конкретного индивида. В ежедневном взаимодействии с окружающими членами общества человек усваивает нормы поведения, социальные, нравственные и правовые понятия и представления, а также культурные ценности общества, членом которого он является. В ходе такого взаимодействия человек приобретает и новые потребности, новые интересы и стремления.

Вместе с тем личность не является неким пассивным объектом, на который воздействуют окружающие его социальные и экономические условия. Каждый человек, естественно, в определенных пределах, формирует и условия своей жизни, и собственную личность.

Под воздействием негативных, не соответствующих потребностям конкретного человека условий, в нравственном формировании личности происходит обратный процесс: образуется некий разрыв между свойствами личности и требованиями окружающей действительности. В первую очередь, это относится к таким категориям и свойствам личности, как потребности и интересы, нормы нравственности и представления о праве, привычные формы (стереотипы) поведения и оценки их самим субъектом (а также самооценка своей собственной личности) (Антонян и др., 1981, с. 21). В такой ситуации человек не способен в полной мере адаптироваться к социальной среде, в которой должен осуществлять взаимодействие с другими людьми, жить и работать.

Исследуя проблему механизма формирования преступного поведения, необходимо обозначить и основные источники нравственного формирования личности. К ним относятся, во-первых, сама личность в совокупности со всеми ее меняющимися свойствами; во-вторых, малые социальные группы – семья, школа, вуз, трудовой коллектив в которых происходит непосредственное формирование личности; в-третьих, современное общество в целом, в повседневном общении с которым на человека осуществляется политическое, идеологическое, культурно-воспитательное и иное воздействие через средства массовой информации, и др.

В контексте современных реалий следует обратить внимание на роль средств массовой информации в процессе формирования личности современного человека. В настоящее время манипулированию общественным сознанием и его составляющей – сознанием конкретного человека посвящены многочисленные научные исследования и разработки в области нейрорпсихологии. Данный инструмент становится также и средством идеологической войны.

Современные подростки, не нашедшие себя в окружающей их общественной среде, не имеющие конкретной жизненной мотивации, обусловленной видением конкретных жизненных перспектив, связанных с учебной, дальнейшим творческим и профессиональным развитием и, как следствие, обеспеченным материальным благосостоянием в будущем, находят выход в такого рода сообществах. Число этих сообществ велико: современная коммуникативная среда предоставляет возможности для получения любой информации, что позволяет подростку

найти единомышленников, находящихся в похожей жизненной ситуации. Как следствие, у такой несформировавшейся личности появляется чувство некой своей востребованности.

Интересные статистические данные приводит в своем исследовании Е. А. Перепелова: «Проведенный опрос ВЦИОМ об осведомленности деятельности групп деструктивной направленности в сети "Интернет" показал, что о пабликах, пропагандирующих деструктивные идеи, знают немногие, порядка 18 % и 16 % подростков и взрослых соответственно. 98 % подростков ежедневно пользуются сетью "Интернет", и 89 % ежедневно просматривают социальные сети. Вместе с тем причинами проявления интереса к таким группам со стороны подростков являются психологические проблемы самих подростков (49 %) и конфликты со сверстниками (31 %). Причиной участия в деструктивных группах 60 % подростков называют последствия каких-либо проблем в обыденной жизни» (Перепелова, 2024, с. 68).

Как отмечает Е. А. Перепелова, «в таком состоянии они становятся удобной платформой для их использования в преступных целях организаторами и сторонниками групп деструктивной направленности, пропагандирующих отрицание общепринятых духовно-нравственных ценностей, намерения и реализацию радикальных высказываний, дискредитирующих деятельность государственной власти, и дальнейшие провокации в отношении представителей власти, пропаганду межнациональной или межконфессиональной розни, призыв к деструктивным действиям и т. д.» (Перепелова, 2024, с. 69).

По мнению В. В. Кирюхина, «деструктивные сообщества формируют у несовершеннолетних отрицательное отношение к закону, разрушительно воздействуют на их сознание и нравственность, а при "грамотном руководстве" могут способствовать их трансформации в "боевую единицу" для преступлений, экстремистских проявлений, проведения протестных акций, массовых беспорядков» (Кирюхин, 2021, с. 93).

Именно в таких сообществах и происходит первичный процесс формирования антиобщественной направленности личности его участника. Этот процесс происходит намного быстрее, если в неформальном субкультурном сообществе существует лидер или организатор, который преследует свои цели и умело манипулирует не сформировавшимися в морально-нравственном плане участниками сообщества или объединения.

Несколько иная ситуация складывается в неформальных субкультурных объединениях, возникших, как правило, стихийно, из сообществ «по интересам» (как это произошло с треш-стримерами (Грачева & Маликов, (2021, с. 204)), в которых нет ярко выраженных лидеров или руководителей, а есть так называемые авторитеты, заслужившие такое звание своими достижениями. Мерилом достижений в интернет-сообществах, как правило, является количество подписчиков и доходы, получаемые от трансляций контента. Следуя за такого рода лидерами, участники, причисляющие себя к данному сообществу, стремятся достичь такого же уровня популярности и материального благосостояния. Такая жизненная перспектива видится им вполне успешной, тем более этому способствуют средства массовой информации, рекламирующие возможность финансового достатка без приложения значимых трудовых и творческих усилий на благо общества и государства. Это, видимо, и является основным триггером смены вектора развития подобного рода субкультурных сообществ. Несколько в ином ключе происходило становление и развитие движения пранкеров. Пранки, изначально будучи основой различных развлекательных шоу⁸, постепенно становились более массовыми и более жесткими, чтобы набрать большую аудиторию смотрящих, которую впоследствии авторы пранков старались монетизировать в том или ином виде. Как утверждает Е. А. Капитонова, «тот факт, что розыгрыш смешит публику и изначально ставит себе целью развлечение, а не создание какой-либо угрозы, еще не означает, что его жертве в процессе не может быть

⁸ Достаточно вспомнить телепередачу «Розыгрыш» на первом канале.

причинен физический, психический либо репутационный вред» (Капитонова, 2024, с. 30). А. В. Поливанов полагает, что «это явление обладает всеми признаками девиантного поведения – негативная оценка со стороны социума, наличие прямого умысла, повторяемость действий и признак социальной дестабилизации» (Поливанов, 2021, с. 101–102). Аналогичное замечание можно сделать и в отношении движения "пикаперов", но с известными оговорками и присущими только им особенностями (Шипунова, 2014).

Что касается административно-правовых и уголовно-правовых средств противодействия антиобщественным проявлениям, обладающим некоторой степенью общественной опасности, то они, помимо ужесточения наказания, в основном ориентируются на введение запретительных мер (как это было в отношении треш-стримеров (Берестовой, 2024)), что уже в значительной мере сделано. Следует обратить внимание на возможность включения в статьи УК РФ квалифицирующих признаков, связанных с публичной демонстрацией действий, причинивших вред потерпевшему. В отдельных составах преступлений данные признаки следовало бы непосредственно увязать с причиненным вредом. Например, ч. 2 ст. 128¹ УК РФ могла бы иметь следующую редакцию: «Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, причинившая существенный вред правам и законным интересам граждан», определив за данное деяние более строгое наказание. Такая конструкция составов помимо профилактической задачи даст возможность привлекать к ответственности за противоправные действия в ситуациях с так называемыми пранками или пикаперами в случае наступления последствий действий, связанных с причинением существенного вреда потерпевшему.

В настоящее время ситуация в данной сфере меняется в лучшую сторону с точки зрения профилактики вовлечения несовершеннолетних лиц в субкультурные объединения (сообщества), имеющие определенную антиобщественную направленность. Заметим, что не все подростки интересуются неформальными молодежными субкультурами, и положение дел не столь пессимистично, как могло бы показаться. Несовершеннолетним в настоящее время государство предлагает альтернативные варианты для восполнения нехватки социализации. В первую очередь, это всевозможные молодежные организации, которые призваны решить проблему корректировки сбоя социализации (Левикова, 2017, с. 781). Однако таких организаций сегодня явно недостаточно, и проблема требует более пристального внимания со стороны государства и общества.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., Барановский, Н. А., Дагель, П. С., Дубовик, О. Л., Кудрявцев, В. Н., Петелин, Б. Я., & Шавгулидзе, Т. Г. (1981). *Механизм преступного поведения* (В. Н. Кудрявцев, Ред.). Наука.
- Астафьева, В. С. (2008). Субкультурные объединения как объекты социального управления. *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*, (129), 118–123.
- Багров, С. А., Устюгов, С. Н., & Яковлев, И. М. (2020). Актуальные вопросы изучения криминальной субкультуры. Мультидисциплинарный подход и возможности противодействия. *Закон и право*, (11), 124–126. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10537>
- Берестовой, А. Н. (2024). Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети «Интернет». *Вестник Санкт-Петербургского*

университета МВД России, (3), 152–160. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>

- Берестовой, А. Н. (2025). Социальная обусловленность и вопросы противодействия проявлениям девиантного поведения в сети Интернет. В *Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года* (с. 324–332). Центр научно-информационных технологий «Астерион».
- Грачева, Ю. В., & Маликов, С. В. (2021). Треш-стрим: Социальная обусловленность криминализации. *Актуальные проблемы российского права*, 16(6), 202–210. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210>
- Ильченко, С. Н. (2014). *Шоу-цивилизация: конец реальности?* ИВЭСЭП.
- Капитонова, Е. А. (2024). Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации. *Уголовное право*, (2), 24–34. https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24
- Кирюхин, В. В. (2021). О некоторых соображениях по противодействию скулшутингу в Российской Федерации: американские уроки. В С. Л. Мельникова (Ред.), *Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 26 февраля 2021 года* (с. 89–97). Тульский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России).
- Куликов, В. Б., & Злоказов, К. В. (2006). Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, (3), 89–92.
- Левикова, С. И. (2017). Неформальная молодежная субкультура в России: уход в небытие или повторение пройденного? В В. И. Герасимов (Ред.), *Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 01–30 декабря 2016 года* (Вып. 12, ч. 1, с. 779–783). Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Мондохонов, А. Н. (2020). Криминализация деятельности запрещенных организаций. *Российская юстиция*, (3), 50–53.
- Омельченко, Е. Л. (2000). *Молодежные культуры и субкультуры*. Институт социологии РАН.
- Перепелова, Е. А. (2024). Деструктивные субкультурные сообщества несовершеннолетних как угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Административное право и процесс*, (5), 67–70. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-67-70>
- Поливанов, А. В. (2021). Пранк как новая форма девиантного поведения. *Алтайский юридический вестник*, (3), 98–103.
- Родин, С. Г. (2019). Понятие и сущность криминальной субкультуры. *Вестник Воронежского института МВД России*, (2), 287–291.
- Тарарухин, С. А. (1974). *Преступное поведение. Социальные и психологические черты*. Юридическая литература.
- Шипунова, Т. В. (2014). Особенности социального контроля девиантности: общее и специфическое (на примере интернет-проекта «пикап»). *Социологические исследования*, (12), 127–136.

References

- Antonyan, Iu. M., Baranovskii, N. A., Dagel', P. S., Dubovik, O. L., Kudriavtsev, V. N., Petelin, B. Ia., & Shavgulidze, T. G. (1981). *Mekhanizm prestupnogo povedeniia* (V. N. Kudriavtsev, Red.). Nauka.

- Astaf'eva, V. S. (2008). Subkul'turnye ob"edineniia kak obekty sotsial'nogo upravleniia. *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii*, (129), 118–123.
- Bagrov, S. A., Ustiugov, S. N., & Iakovlev, I. M. (2020). Aktual'nye voprosy izucheniia kriminal'noi subkul'tury. Mul'tidistsiplinarnyi podkhod i vozmozhnosti protivodeistviia. *Zakon i pravo*, (11), 124–126. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10537>
- Berestovoi, A. N. (2024). Zakonodatel'naia reglamentatsiia voprosov protivodeistviia novym formam deviantnogo povedeniia v seti «Internet». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (3), 152–160. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>
- Berestovoi, A. N. (2025). Sotsial'naia obuslovlennost' i voprosy protivodeistviia proiavlenniam deviantnogo povedeniia v seti Internet. V *Ugolovnaia politika i pravoprimeritel'naia praktika: Sbornik nauchnykh statei po rezul'tatam raboty Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 01 noiabria 2024 goda* (s. 324–332). Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii «Asterion».
- Gracheva, Iu. V., & Malikov, S. V. (2021). Tresh-strim: Sotsial'naia obuslovlennost' kriminalizatsii. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 16(6), 202–210. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210>
- Il'chenko, S. N. (2014). *Shou-tsilizatsiia: konets real'nosti?* IVESEP.
- Kapitonova, E. A. (2024). Pranki, tresh-strimy i drugie novye formy deviantnykh deistvii, sovershaemykh v pogone za populiarnost'iu: problemy kvalifikatsii. *Ugolovnoe pravo*, (2), 24–34. https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24
- Kiriukhin, V. V. (2021). O nekotorykh soobrazheniiakh po protivodeistviu skulshutingu v Rossiiskoi Federatsii: amerikanskii uroki. V S. L. Mel'nikova (Red.), *Aktual'nye problemy zashchity prav i svobod grazhdan: istoriko-teoreticheskie i pravovye aspekty: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tula, 26 fevralia 2021 goda* (s. 89–97). Tul'skii institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo biudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego obrazovaniia «Vserossiiskii gosudarstvennyi universitet iustitsii» (RPA Miniusta Rossii).
- Kulikov, V. B., & Zlokazov, K. V. (2006). Destruktivnoe povedenie: teoretiko-metodologicheskii aspekt. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, (3), 89–92.
- Levikova, S. I. (2017). Neformal'naia molodezhnaia subkul'tura v Rossii: ukhod v nebytie ili povtorenie proidennogo? V V. I. Gerasimov (Red.), *Rossia: tendentsii i perspektivy razvitiia: Ezhegodnik, Moskva, 01–30 dekabria 2016 goda* (Vyp. 12, ch. 1, s. 779–783). Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Mondokhonov, A. N. (2020). Kriminalizatsiia deiatel'nosti zapreshchennykh organizatsii. *Rossiiskaia iustitsiia*, (3), 50–53.
- Omel'chenko, E. L. (2000). *Molodezhnye kul'tury i subkul'tury*. Institut sotsiologii RAN.
- Perepelova, E. A. (2024). Destruktivnye subkul'turnye soobshchestva nesovershennoletnikh kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. *Administrativnoe pravo i protsess*, (5), 67–70. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-67-70>
- Polivanov, A. V. (2021). Prank kak novaia forma deviantnogo povedeniia. *Altaiskii iuridicheskii vestnik*, (3), 98–103.
- Rodin, S. G. (2019). Poniatie i sushchnost' kriminal'noi subkul'tury. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, (2), 287–291.
- Tararukhin, S. A. (1974). *Prestupnoe povedenie. Sotsial'nye i psikhologicheskie cherty*. Iuridicheskaiia literatura.
- Shipunova, T. V. (2014). Osobennosti sotsial'nogo kontroliia deviantnosti: obshchee i spetsificheskoe (na primere internet-proekta «pikap»). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (12), 127–136.

Информация об авторах

Андрей Николаевич Берестовой – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент.

Павел Валерьевич Цветков – старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», кандидат юридических наук.

About the authors

Andrey N. Berestovoy – Associate Professor of the Department of Criminal Law at the North-Western Branch of North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Pavel V. Tsvetkov – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law at the North-Western Branch of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Cand. Sci. (Jurid.).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.08.2026

Одобрена после рецензирования 28.09.2026

Опубликована 26.10.2026

Submitted August 27, 2026

Approved after reviewing September 28, 2026

Accepted October 26, 2026